

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Светлана Алексеевна МАРТЬЯНОВА¹

УДК 821.161.1

АНТРОПОЛОГИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА В ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «РАКОВЫЙ КОРПУС»

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых martyanova62@list.ru; ORCID: 0000-0002-6917-0118

Аннотация

В статье рассматривается читательский опыт героев А. И. Солженицына как средство характеристики сознания и поведения персонажей повести «Раковый корпус». Исследователи давно обратили внимание на роль книги, чтения, человека читающего в художественном мире словесно-художественных текстов («Дон Кихот» Сервантеса, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, «Госпожа Бовари» Г. Флобера), однако эти работы носят фрагментарный характер. Соответствующие аспекты произведений литературы XX в., в том числе текстов Солженицына, изучены еще меньше.

Автор статьи показывает, что обращение к читательскому опыту героев является существенной гранью предметного мира повести «Раковый корпус». Анализируется, как прочитанная книга становится частью экзистенциального и культурного опыта героя, свидетельством либо о прозрениях, открытиях, либо о заблуждениях, тупиках. В статье обосновывается возможность говорить о книге в обрисовке персонажей Солженицына с точки зрения культурной антропологии, изучающей связи человека с культурной традицией и обществом, и психологической — с ее интересом к формам мышления,

Цитирование: Мартьянова С. А. Антропология читательского опыта в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» / С. А. Мартьянова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 47-60. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-47-60

общения. Опыты интерпретации прочитанного героями Солженицына важны не только для характеристики отдельных персонажей, но и общества в целом.

Подчеркивается, что культурная проблематика советского времени была обусловлена «археологическим» типом герменевтики, отчуждавшим человека от классической традиции, непреходяще-ценной для самоопределения человека. Выделяются два типа событийности в повествовательной организации текста: сюжетный и экзистенциальный. Особое место в общей картине занимает полуавтобиографический герой — Олег Костоготов, путь которого от смерти к воскрешению включает опыты чтения и постижения реальности через художественные и философские тексты.

Методологический фундамент работы составили подходы, выработанные сравнительным литературоведением, теорией интертекста, антропологическими и историко-культурными исследованиями.

Ключевые слова

Книга, читатель, антропология, А. И. Солженицын, «Раковый корпус».

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-47-60

Введение

Книга и ее читатель вызывают повышенное внимание не только современных представителей гуманитарного знания, но и междисциплинарных исследований [13]. При этом отмечается недостаточная изученность феномена чтения и его деятелей, «фрагментарный характер читателеведческих исследований» и разобщенность ученых [8, с. 11-12].

В составе отечественной филологической науки существует ряд работ, посвященных героям литературы как читателям и интерпретаторам художественных смыслов и перспектив. Хотя сколько-нибудь целостной и завершенной картины пока не существует, можно обозначить основные направления подобных «штудий».

С. Г. Бочаров в статье, посвященной «Дон Кихоту» Сервантеса, привел суждение Г. Флобера об этом произведении и подчеркнул, что образы читателей и книги в романе испанского писателя группируются вокруг проблемы смешения иллюзии и реальности, сущности и явления, понятия и предмета, повествования и действительности. Само решение проблемы может выступать либо в «грандиозно-поэтическом», как у Сервантеса, либо в сниженном, как у Флобера, варианте. Бочаров выявил в «Дон Кихоте» элементы «самосознания романа» и «художественно-теоретического плана», расширяющего духовное и эстетическое пространство произведения, формирующего новую литературную программу в контексте смены эпох [1, с. 5-34].

Другой вариант модели взаимодействия читателя и книги Бочаров описывает и анализирует в работе о проблеме «Гоголь-Достоевский»: коммуникация с авторами тех произведений, в которых герой узнает самого себя и изображение собственной жизни, выработка собственных суждений о них [5, с. 179].

Множество моделей читательского поведения выявлено известным пушкинистом А. М. Гуревичем в статьях о героях романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: отождествление себя с героями любимых книг, готовность следовать литературным образцам, взаимодействие «книжного» и непосредственного, постижение внутреннего мира избранника по заметкам на полях его книг [3, с. 360-362].

Жанр «Ракового корпуса» определен Солженицыным как повесть, а не роман. В то же время авторское определение в данном случае не должно нас смущать: речь идет о предметном мире эпических произведений в целом и их закономерностях. Если же говорить о прецедентах в составе именно жанра повести, то можно указать на «Шинель» Гоголя и вспомнить гротескную жалобу некоего капитана-исправника, увидевшего покушение на «государственные постановления» только потому, что люди его звания были изображены в «романтическом сочинении» пьяными. Таким образом, жанровые различия в данном случае нерелевантны.

Сказанное исследователями дает нам важные ключи и инструменты для осмысления читательского мира повести «Раковый корпус», которое и является главной целью настоящей статьи. Для достижения цели мы поставили перед собой следующие задачи: во-первых, обобщить суждения литературоведов и литературных критиков о книге в художественном мире повести «Раковый корпус»; во-вторых, рассмотреть читательский опыт героев повести; в-третьих, проследить, как он соотносится с официальными читательскими программами и массовыми практиками; в-четвертых, уяснить, как читательский опыт способен стимулировать рождение нового писателя.

В ходе исследования мы использовали подходы, сложившиеся в русле методологии сравнительного литературоведения, интертекстуальной теории, культурной и психологической антропологии. Методологическими ориентирами послужили также работы Ж. Нива, Л. Лосева, А. Немзера и монография У. Эко «Роль читателя» и ее положения о текстах «открытых» и «закрытых», читателе как «активном начале интерпретации» [16, с. 14].

Литературный обзор

Литературная критика и литературоведение о книге в изображении героев повести А. И. Солженицына «Раковый корпус»

Повышенная роль книги в жизни самого А. И. Солженицына и его героев не раз становилась предметом внимания филологов. Л. И. Сараскина приводит свидетельства о зарождении у будущего литератора писательского призвания в возрасте 9 лет, о рано появившемся тяготении к библиотекам, журналам, книгам. Биограф сообщает также о роли чтения и книги в ближайшем семейно-родственном окружении, о ранней искушенности в читательских симпатиях, о существовании собственного журнального проекта, об учебе в МИФЛИ как осуществлении «мечты и призвания» [10, с. 98-155].

Сараскина обратила особое внимание на факт прочтения Солженицыным романа «Война и мир» в десятилетнем возрасте. Сам роман был воспринят мальчиком по-особому: «Книга потрясла его — он смотрел на нее даже не как читатель, а как делатель литературы» [10, с. 134].

Обучение в своеобразных «университетах» вело к переосмыслению не только философских и исторических знаний, но и оценок творчества русских и зарубежных писателей, вошедших в школьные и университетские программы советского времени. Эти оценки основывались на «археологическом» типе герменевтики и ничего не сообщали о «главном в жизни». В романе «В круге первом» говорится о читательском опыте героев, заново открывших для себя творчество Л. Н. Толстого (Яконов, Агния) и его аксиологическую парадигму: подлинность личности, ощущение внутренней правоты, поиски мира в душе, величие простоты, которая правда, может скрываться в чудаковатом обличье [4, с. 30-31].

Жорж Нива описал другие «университеты» в жизни Солженицына — сталинские тюрьмы и лагеря, в застенках которых томились и самые образованные люди. Говоря о заключенных в романе «В круге первом», французский исследователь сближает марфинскую шарашку с лицеем и академией, где можно было обучаться по древнегреческому образцу, вести сократические диалоги, участвовать в тайных семинарах. Неустанный поиск истины взамен механического повторения шаблонов официальной идеологии стал высокой ценностью [6, с. 88].

Анализируя повесть «Раковый корпус», исследователи отмечают заключенный в ней диалог с Толстым и говорят, что книга может быть и средством характеристики героя, сопоставления его с другими персонажами, пороговой чертой в самоопределении перед лицом смерти [9, 14].

Значительный вклад в разработку темы внесен статьей А. С. Немзера, посвященной Авиетте Русановой и ее диалогу о современных произведениях. Ученый отметил, что фарсово изображенный эпизод включает в себе вопросы о настоящей литературе и настоящем писателе [5].

Указанные литературоведами факты позволяют сформировать представление о внешних и внутренних контекстах понимания темы «читатель и книга» в повести «Раковый корпус»: биографический, историко-культурный, внутритекстовый. Возникновение похожих тем в других произведениях писателя говорит об устойчивом смысловом поле, вариациях одного и того же образно-тематического комплекса, который нуждается в дальнейшем изучении. Попробуем перейти к его анализу в пределах повести «Раковый корпус».

Результаты и обсуждение

Случай Ефрема Поддубева

Действующие лица повести живут в пространстве «между двумя вечностями»: смерть и ссылка, уничтожение и забвение. По словам Ж. Нива, повествовательная ткань повести сталкивает речь Русанова, «замкнутую в самой себе», «неизречимую речь» Костоглотова и «невнятную» Прошки и Демки [7, с. 312]. Пер-

сонажей «Ракового корпуса» можно разделить на тех, кто искушен в социальных науках (Шулубин), людей, мнящих себя искушенными (Русанов, Авиетта) и неискушенных.

К последним относится Ефрем Поддуев, появляющийся во второй главе. Книжное и устное слово пронизывает и соединяет фрагменты, посвященные этому герою. Попробуем проследить, как это происходит.

«Буроволосый», с «конопатым хмурым лицом», он кажется только что прибывшему в палату Павлу Русанову «чертом». Ефрем явно верховодит в палате, делает мрачные предсказания, а его слова напоминают причитания: «гудел свое, как припев, как по покойнику» [12, с. 20]. Именно в ответ на скулеж Ефрема Костоготов предлагает почитать книгу, которую обязательно надо прочесть именно в преддверии смерти. При этом сам Костоготов прочел книгу внимательно, даже проставив пометы карандашом. Книга в пространстве «по эту сторону опухоли» является чем-то насущным, противовесом отчаянию и вызовом смерти. Видимо, не случайно сразу же за этим эпизодом следует описание ужина, названного торжественно «вечерей».

В конце второй главы Ефрем оказывается носителем устного слова, рассказчиком «идиотской сказки», уподобляющей финал человеческой жизни обезьяньей. Этой сказкой Ефрем буквально добивает ищущего утешения и жалости Русанова, усиливает его отчаяние и безнадежное состояние. Позднее он снова станет рассказчиком «старой басни» о времени человеческой жизни.

В четвертой главе Ефрем представлен совсем другим — безотрывно читающим книгу, а восьмая называется по имени прочитанного рассказа Толстого «Чем люди живы». Глава начинается с развернутого описания Ефрема как здорового, крепкого, волевого человека, внезапно заболевшего и не знающего путей перехода к другой жизни. Не случает и тот факт, что у Ефрема поражен язык — часть человеческого тела, связанная с произнесением слов. Переживание болезни как наказания за грехи усиливается лечением иглоками: «впускали в язык иглоки, как грешнику в аду, и по нескольку суток держали» [12, с. 91]. Неожиданно открывается смысл неотступных хождений героя по палате: это были знаки мольбы о помощи.

Именно книга дает этому внезапно задумавшемуся герою ответ на вопрос, чем и как встречать смерть. Опыт Ефрема кажется тем более ценным, что герой не любил тратить деньги на книги и ходить в библиотеку. Его, если можно так выразиться, читательский опыт был ограничен брошюрами, инструкциями, приказами. Перемена в сознании героя наступает в процессе знакомства со сборником рассказов Толстого: отмечаются точность, краткость, дельность. Чтение рождает желание «подумать», делает солженицынского героя «задумавшимся», подобным героям А. Платонова, ушедшим в молчание.

Молчание Ефрема не бесплодно, оно насыщено общением с «серьезной» книгой. И книга в данном случае оказывается не вещью, а живым существом, умеющим разговаривать. Перемена, произошедшая в герое, — смягчение души — была подготовлена не только болезнью, но и чтением «серьезной»

книги: «Как будто что в него вошло и повернуло там, / И где раньше были глаза — глаз не было. / И где раньше рот приходился — не стало рта» [12, с. 95]. Заключенная в этих словах скрытая цитата из «Гамлета» Шекспира указывает на обращение, покаяние, открытость голосу совести.

Погрузившись в сферу молчания и пережив внутренний переворот, Ефрем пересказывает прочитанное соседям по палате. Пересказывает, но не читает, поэтому упускает существенный момент толстовского повествования: замерзающий Михайла, которого подобрал сапожник, — это на самом деле ангел. Но поскольку идеологически воспитанное мировоззрение исключало представление об ангелах, то такая подробность воспринимается Ефремом как незначительная — он искажает в своем переложении суть толстовского шедевра.

Обсуждение соседями по палате имени автора выдержано в комической тональности и также значимо для понимания общей картины читательского опыта в повести. Во-первых, Льва Толстого сразу путают с Алексеем Толстым, трижды лауреатом сталинской премии и автором «оптимистических и патриотических вещей». Во-вторых, догадавшись об истинном авторе, Павел Русанов, партийный чиновник, «отчасти кривясь», произносит тираду в духе статьи Ленина «Л. Толстой как зеркало русской революции»: «Так сю-сю-калка Ваш Толстой! Он во многом, очень во многом не разбирался. А злу надо противиться, паренек, со злом надо бороться!» [12, с. 98].

Возвращение к подлинному читательскому опыту совершается в глубинах человеческой реальности, неведомой идеологии, в особых экзистенциальных обстоятельствах (переход от жизни к смерти, встреча с вопросами о смысле жизни, совести и правде). Психологически этому предшествует освобождение от грубости, нечувствия, смягчение души. В тексте повести через обращение к русской классике, прочно связанной с христианской традицией, реализуется ее «минейный код» [15]. Но и главный оппонент Поддубева, Павел Русанов, осуждающий Ефрема за «поповщину», тоже впоследствии будет искать «чувствительную» книгу, ему захочется «чувствовать теплоту» [12, с. 271].

Книга как источник «воды живой»

Открытие ценности произведений Л. Толстого героями «Ракового корпуса» меняет отношение к классикам советской литературы — М. Горькому, Н. Островскому, А. Толстому, предлагавшим свои рецепты счастья и поисков смысла жизни, далеких от христианской любви и миропонимания. Вместе с тем рецепты советских писателей не способны утолить жажды, которую испытывают люди, оказавшиеся в переходе между жизнью и смертью.

Мотив жажды очень важен в романе, он связан не только с описаниями физиологического состояния онкобольных. В повести среди книг упоминается роман лауреата сталинской премии по литературе А. Кожемякина «Вода живая» [12, с. 109-110]. О нем сообщается иронически, т. к. произведение, название которого имеет евангельский исток (Ин. 4: 1-26), на самом деле не пронизано евангельским началом. Такой роман не способен утолить духовную жажду.

Авиетта Русанова в ответ на просьбу отца о книгах привозит целую сумку романов, названия которых однообразно и поверхностно оптимистичны, но призваны воспитывать «верные» мысли и настроения: «У нас уже утро», «Горы в цвету», «Свет над землей» и т. д. [12, с. 245]. Можно отметить совпадение иронически поданного фрагмента повести с характеристикой произведений социалистического реализма, данной в 1957 г. А. Синявским: телеологичность, обязательные счастливые финалы, «выпрямленные» положительные герои и отсутствие каких бы то ни было исканий, сомнений [11]. Что могут сообщить эти книги неизлечимому больному?

Среди читающих героев повести есть эпизодическая героиня — «нянечка» Елизавета Анатольевна, «очень исполнительная» и «повышенно вежливая». Сообщается, что во время ночных дежурств она читала книги на французском языке. Даже «Анна Каренина» казалась ей книгой, ничего не говорящей о настоящей жизни и трагедиях репрессированных, затронувших и ее семью, и ее лично: образованная, она вынуждена трудиться «нянечкой». Но почему же книги, которые она читает, французские? Выскажем предположение на этот счет. Возможно, это произведения В. Гюго («Последний день приговоренного к смерти», «Девяносто третий год»). Французский писатель критиковал светское общество, которое не узнавало в гонимых страдальцах жертв, и объявлял себя «ходатаем» за виновных и невинных перед всеми судами.

Среди тех, кто ищет в художественной книге «живую воду», есть и врачи. Против излишеств медицины и безоглядной веры в последние достижения науки выступает не один Костоготов. О хирурге Евгении Устиновне сообщается как о читательнице повести Толстого «Казачьи». Говорится также, что она «помнила и понимала» слова Ершочки о европейских врачах. Это понимание помогает Евгении Устиновне не стать обыкновенным исполнителем врачебных инструкций, а найти собственную хирургическую практику, основанную на принципах «нежности», «незаметности», «внутренней разумности» [12, с. 101]. Хирург больше всего боится потерять сам поиск новых методов лечения, и это желание подсказано художественной книгой — «живой водой» для своих читателей. Для успешной встречи с книгой необходимы трудная внутренняя работа и нежелание довольствоваться готовыми решениями.

Случай Шулубина

Для Солженицына существенны движения живой и мертвой воды в литературе, а также взаимодействие литературы с реальностью. Одна из глав романа «В круге первом» носит название «Жизнь — не роман». Но для Солженицына жизнь — это и роман как собрание незавершенных жанровых форм, рождающихся в современности. Однако эти формы нужно увидеть, понять, дать им интерпретацию. Препятствием может стать не только советская идеология, но и те «предрассудки», «идолы», о которых Костоготов узнает от Шулубина: «люди не склонны жить чистым опытом», предпочитая ему идолов «облагороженной стадности» [12, с. 365-366].

Внимательный читатель Ф. Бэкона, А. С. Пушкина, Ф. Достоевского, Л. Толстого и П. Кропоткина, Шулубин не становится пленником чьего-либо видения мира, но сохраняет критическую рефлексию и в конце концов формулирует свой проект «нравственного социализма», мало кем, однако, востребованный. Он с горечью замечает, что выросло целое поколение людей, не читавших и не обсуждавших В. Соловьева, П. Кропоткина, Н. Михайловского. При этом «книги с истиной» бывший библиотекарь и сам жег в печке. Отсутствие «книг с истиной» в опыте нескольких поколений приведет, по мнению Шулубина, к новым ошибкам и заблуждениям в вопросах о счастье, смысле жизни и экономическом устройстве [12, с. 372].

Случай Демки

Демка занимает особое положение среди читающих героев «Ракового корпуса». Он молод и неопытен, но стремится к образованию, мечтает изучать историю и литературу. В повести он представлен и читателем учебников, и читателем литературных журналов, и участником дискуссий о Толстом, и адресатом письма Костоглотова о зоопарке. Демка изображен также пытливым, ищущим героем, не поддающимся авторитету чужого мнения.

Первый урок чтения и письма он получает от Костоглотова при обсуждении учебника стереометрии. «Вот так бы все писали! Толщины никакой, да? А сколько тут напихано!» [12, с. 27].

В споре о рассказе Толстого «Чем люди живы» Демка отличает Льва Толстого от Алексея Толстого. Не приняв поначалу позицию непротивления злу насилием, он продолжает думать о смысле любви и счастья. Положив за правило прочитать все книги лауреатов сталинской премии, Демка испытывает после чтения «нудь и муть», «ущерб», «тоску» [12, с. 110]. Прочитанные книги только запутывают его сознание, а главное, не утоляют жажды сострадания и жалости.

Демка как читатель и слушатель обладает способностью видеть и соотносить всё прочитанное с реальностью, отстаивать то, к чему он пришел и не считаться с общественными стереотипами. Так, с детства узнавший о религии как дурмане, он не видит в верующей тете Софе ничего «реакционного». Демку тоже можно отнести к числу задумывающихся и прозревающих героев.

Олег Костоглотов как читатель и возможный будущий писатель

Литературоведы давно обратили внимание на признание Олега Костоглотова о серьезном душевном перевороте после известия о страшном диагнозе: смягчении души и прощении [9]. В споре о Толстом с соседями по палате именно он защищает поиски смысла жизни и самосовершенствования. Не разделяя с Толстым его религиозных взглядов, он сумел понять и оценить правдивые описания предсмертных состояний. Его слова о предсмертной области в человеческой жизни можно прокомментировать отсылками к «Войне и миру» (уми-

рание старика Болконского, князя Андрея) и «Анне Карениной» (сцена у постели больной Анны, внезапно сблизившая мужа и любовника).

При этом Олег Костоглотов изображен в повести и как возможный будущий писатель. Особенно отчетливо это проявляется в заключительных главах произведения, для понимания которых важен библейский код и жанровая модель христианских «Шестоднегов». Именно Олег Костоглотов воспринимает утро выхода из больницы, как второе рождение и «утро творения», как мир, создающийся заново, с его свежестью, новизной, пиршеством красок.

Ощущая прилив творческих сил, он пишет письмо Демке, в котором, подобно Адаму, наделяет животных определенными именами. Как и в «Шестодневах», он символически истолковывает свойства живых существ. Правда, он делает это по-своему, опираясь на собственный лагерный опыт. Письмо Демке — это своеобразный набросок к лагерной прозе, воплощение творческой мощи как части образа Божьего в человеке. Может быть, поэтому текст адресован первым дням творения.

Гимн творению рождается не только в рамках библейского и средневекового кода, но также связан с древней ритуально-мифологической памятью: повторяется миф о пробуждающейся Эос, описывается миф о соперничестве зари и Луны.

Обыгрывание, «опевание» образа первого дня творения подчинено и более сложной художественной задаче: у вновь родившегося человека есть преследующая его память о прошлом, арестантском опыте. Радуюсь исцелению и освобождению, Олег не переживает полноты чувства: «Только когда дрогнул и тронулся поезд там, где сердце, или там, где душа — где-то в главном месте груди — его схватило — и потянуло к оставляемому» [12, с. 447]. Движение поезда подчеркивает незаметное душевное движение, некий поворот, обращение, «скрученное» положение соединяет героя с этим душевным движением и почти телесно восстанавливает связь с памятью о прошлом.

Можно сказать, что в финале мы становимся свидетелями не только возвращения к жизни, но и рождения нового писателя, творчество которого будет окрашено и опытом «после ГУЛАГа», и опытом «восстания из мертвых» после страшной болезни, отсылающим нас к истории евангельского Лазаря.

Выводы

Подводя итог, можно сказать, что опыты чтения и внимание автора к человеку читающему являются одной из форм внутренних сцеплений, характерных для композиции повести «Раковый корпус». Писатель включил в текст романа не просто упоминания о книгах, но и описание их восприятия, оценок, обусловленных психологическим, культурным, социальным опытом персонажей.

Анализируя произведение А. И. Солженицына, мы выявили два типа событийности: внешне-сюжетный и внутренне-экзистенциальный. Книге принадлежит особая роль в развертывании второго вида сюжетности: она может открыть путь к внутреннему поиску и возможностям роста личности, но может и огра-

ничить свободу, перекрыв дорогу к реальности и истине, спровоцировав провалы коммуникации с культурой прошлого, ослабив интерпретационные усилия читателей. Второй путь был использован идеологами передового мировоззрения и социалистического реализма.

Полемизируя с адептами идеологии, Солженицын уходит от искушения стать пленником новой. Писатель возвращается к произведениям русской, зарубежной классики и Серебряного века, которым было свойственно «живое искание истины» [2, с. 157], формирует уникальную эстетическую программу, знаки и приметы которой присутствуют в изображении героев-читателей в особенности тех из них, кто избирает литературное поприще или находит в нем свое призвание. Именно в этом заключается главный смысл изображения читательского опыта героев в составе художественного мира «Ракового корпуса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров С. Г. О художественных мирах / С. Г. Бочаров. М.: Советская Россия, 1985. 296 с.
2. Булгаков С. Н. Васнецов, Достоевский, Вл. Соловьев, Толстой (Параллели) / С. Н. Булгаков // Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 142-158.
3. Гуревич А. М. Из «Онегинской энциклопедии» / А. М. Гуревич // Гуревич А. М. «Свободная стихия». Статьи о творчестве Пушкина. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 325-376.
4. Мартьянова С. А. Русская и мировая классика на страницах романа А. И. Солженицына «В круге первом» / С. А. Мартьянова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2018. № 1 (29). С. 27-33.
5. Немзер А. С. Литературная девушка / А. С. Немзер // Знамя. 2018. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/12/literaturnaya-devushka.html> (дата обращения: 20.03.2022).
6. Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель / Ж. Нива. СПб.: Вита Нова. 2014. 336 с.
7. Нива Ж. Слово и взгляд у Солженицына / Ж. Нива. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/upload/books/Niva_Zh.-Slovo_i_vzglyad_u_Solzhenitsyna.pdf (дата обращения: 20.03.2022).
8. От Года литературы — к веку чтения: коллективная монография / науч. ред.-сост. В. Я. Аскарова. М.: Межрег. центр библ. сотрудничества, 2016. 459 с.
9. Прохорова Т. Г. Диалог с Толстым в повести А. И. Солженицына «Раковый корпус» / Т. Г. Прохорова. URL: <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1478> (дата обращения: 16.03.2022).
10. Сараскина Л. И. Солженицын / Л. И. Сараскина. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2018. 959 с.
11. Синявский А. Что такое социалистический реализм / А. Синявский. URL: <http://www.agitclub.ru/museum/satira/samiz/fen04.htm> (дата обращения: 19.04.2022).

12. Солженицын А. И. Раковый корпус / А. И. Солженицын // Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 т. М.: Время, 2012. Т. 3. Раковый корпус. 552 с.
13. Столяров Ю. Н. Коллективные монографии о чтении: аналитический обзор / Ю. Н. Столяров // Вестник ЧГАКИ. 2017. № 4 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnye-monografii-o-chtenii-analiticheskiy-obzor> (дата обращения: 15.06.2022).
14. Темпест Р. Толстой и Солженицын: встреча в Ясной Поляне / Р. Темпест. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?SECTION_ID=297&PAGEN_1=2 (дата обращения: 15.03.2022).
15. Терешкина Д. Б. Человек перед лицом смерти: минейный код повести А. Солженицына «Раковый корпус» / Д. Б. Терешкина // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Tereshkina_D.B.-Chelovek_pered_litsom_smerti.pdf (дата обращения: 15.03.2022).
16. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. СПб.: Симпозиум. 2005. 502 с.

Svetlana Alexeyevna MARTYANOVA¹

UDC 821.161.1

**THE ANTHROPOLOGY OF THE READER'S EXPERIENCE
IN THE STORY *CANCER WARD* BY A. I. SOLZHENITSYN**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associated Professor,
Russian and Foreign Philology Department,
Vladimir State University named after Stoletovs' brothers
martyanova62@list.ru; ORCID: 0000-0002-6917-0118.

Abstract

This article studies reader's experience of A. I. Solzhenitsyn a means of characterizing the consciousness and behavior of the characters in the story *Cancer Ward*. Different researchers have already paid attention to the role of a book, reading, and a person reading verbal and artistic texts in the artistic world (*Don Quixote* by Cervantes, *Eugene Onegin* by A. S. Pushkin, *Poor Folk* by F. M. Dostoevsky, *Madame Bovary* by G. Flaubert); however, these works were fragmentary. The relevant aspects of 20th century literature, including Solzhenitsyn's texts, have been studied even less.

The author of this article shows that the appeal to the reader's experience of the characters is an essential facet of the objective world of the story *Cancer Ward*. The analysis focuses on the question how a book which has been read becomes a part of a character's existential and cultural experience, evidence of either their insights, discoveries, or delusions, dead ends. The article substantiates the discussion of the book in the depiction of Solzhenitsyn's characters from the point of view of cultural anthropology, which studies the relationship of a person with cultural tradition and society, and psychological — with its interest in forms of thinking and communication. Experiences in interpreting what Solzhenitsyn's characters read are important not only for characterizing individual characters, but also for society as a whole. This article emphasizes that the cultural problems of the Soviet era were due to the "archaeological" type of hermeneutics, which alienated a person from the classical tradition, which is enduringly valuable for the self-determination of a person. There are two types of

Citation: Martyanova S. A. 2022. "The anthropology of the reader's experience in the story *Cancer Ward* by A. I. Solzhenitsyn". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 47-60. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-47-60

eventfulness in the narrative organization of the text: plot and existential. A special place in the overall picture belongs to a semi-autobiographical character — Oleg Kostoglotov, whose path from death to resurrection includes the experience of reading and comprehending reality through artistic and philosophical texts.

The methodological foundation of the work includes the approaches developed by comparative literature, intertext theory, as well as anthropological, historical, and cultural studies.

Keywords

Book, reader, anthropology, A. I. Solzhenitsyn, *Cancer Ward*.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-47-60

REFERENCES

1. Bocharov S. G. 1985. *About Artistic Worlds*. Moscow: Sovetskaya Rossia. 296 p. [In Russian]
2. Bulgakov S. N. 1996. "Vasnetsov, Dostoyevsky, Vl. Solovyov, Tolstoy (Parallels)". In: Bulgakov S. N. *Quiet Thoughts*, pp. 142-158. Moscow: Respublika. [In Russian]
3. Gurevich A. M. 2013. "From 'Onegin's encyclopedia'". In: Gurevich A. M. "Free Element". *Articles about Pushkin's Creativity*, pp. 325-376. Moscow: Yazyli slavyanskoy kultury. [In Russian]
4. Martyanova S. A. 2018. "Russian and world classical literature in A. I. Solzhenitsyn's novel *In the First Circle*". *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 1 (29), pp. 27-33. [In Russian]
5. Nemzer A. S. 2018. "Literary girl". *Znamya*, no. 12. Accessed 14 March 2022. <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/12/literurnaya-devushka.html> [In Russian]
6. Niva Zh. 2014. *Alexander Solzhenitsyn: Fighter and Writer*. Saint Petersburg: Vita Nova. 336 pp. [In Russian]
7. Niva Zh. *Solzhenitsyn's Word and View*. Accessed 20 March 2022. http://www.solzhenitsyn.ru/upload/books/Niva_Zh.-Slovo_i_vzglyad_u_Solzhenitsyna.pdf [In Russian]
8. Askarova B. Ya. (ed.). 2016. *From the Year of Literature — To the Century of Reading*. Moscow: Mezhhregionalnaya tsentralnaya biblioteka sotrudnichestva. 459 pp. [In Russian]
9. Prohorova T. G. *Dialogue with Tolstoy in A. I. Solzhenitsyn's story *Cancer Ward**. Accessed 20 March 2022. <http://www.den-za-dnem.ru/page.php?article=1478> [In Russian]
10. Saraskina L. I. 2018. *Solzhenitsyn*. 2nd edition. Moscow: Molodaya gvardiya. 959 pp. [In Russian]
11. Sinyavsky A. *What is socialistic realism*. Accessed 19 April 2022. <http://www.agitclub.ru/museum/satira/samiz/fen04.htm> [In Russian]
12. Solzhenitsyn A. I. 2012. "Cancer Ward". In: Solzhenitsyn A. I. *Collected Works in 30 vols. Vol. 3. *Cancer Ward**. Moscow: Vremya. 552 pp. [In Russian]
13. Stolyarov Iu. N. 2017. "Multi-authored monographs on reading: analytical review". *Culture and Arts Herald*, no. 4 (52). Accessed 20 March 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnye-monografii-o-chtenii-analiticheskiy-obzor/viewer> [In Russian]

14. Tempest R. Tolstoy and Solzhenitsyn: meeting in Yasnaya Polyana. http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/general/index.php?SECTION_ID=297&PAGEN_1=2 [In Russian]
15. Teryoshkina D. B. 2015. "A man facing death: mineyny code of A. Solzhenitsyn's novel 'Rakoviy Corpus'". Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya, no. 3. Accessed 15 March 2022. http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Tereshkina_D.B.-Chelovek_pered_litsom_smerti.pdf [In Russian]
16. Eco U. 2005. The Role of the Reader Explorations in the Semiotics of Texts. Saint Petersburg: Symposium. 502 pp. [In Russian]